

ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ на Енисейском Севере в 20-е годы XX века

Валентина Васильевна Бибикова,
 председатель Красноярского отделения Российской
 Макаренковской ассоциации, e-mail: bibikovss@yandex.ru

Первые учителя Туруханского края во второй половине 20-х годов XX века и организация национальных школ. Разработка форм и методов работы с детьми коренных народов Севера. Поиск оптимальных решений для установления доверительных отношений с коренным населением.

- Сибирский вариант • программы Центральных курсов для Северной зоны
- интернаты • промысловый уклон

В 1920 году в Енисейской губернии был сформирован губернский отдел народного образования (губОНО), при котором был создан губернский совет просвещения народов нерусского языка. В губОНО была введена должность инспектора по делам национальностей. Сибирским отделом народного образования было утверждено «Положение о Совете национальных меньшинств» и сформирован «Совет по просвещению национальных меньшинств»¹.

В то время как в Центре разрабатывались документы о школах Севера, на местах, не ожидая их поступления, началась работа по открытию школ. Становление системы национального образования на территории Туруханского края Енисейской губернии началось с середины 1920-х годов. Основным типом школы среди кочующего туземного населения была признана школа-интернат

с 4-летним курсом обучения с числом учеников от 40 до 50 при четырёх учителях. Но особенностью первых лет организации обучения на Севере было то, что учителя должны были набирать по 10 учеников в возрасте от 16 до 20 лет. Ориентир на учащихся этого возраста объяснялся необходимостью быстрой подготовки национальных кадров². Осенью 1924 года в Туруханском крае было принято решение об открытии трёх школ для детей коренного населения — в Чиринде, Хатанге, Яновом Стане. Нужно признать, что именно кооперативные потребительские общества являлись «пионерами по насаждению грамотности среди туземцев»³.

Выступая на 11-м пленуме Комитета Севера (февраль 1925 года), В.Г. Тан-Богораз говорил о подготовке кадров, направляемых на Север: «Мы должны посылать на Север не учёных, а миссионеров, миссионеров новой культуры

¹ Краевое государственное учреждение Государственный архив Красноярского края, Ф. 1845, О. 1, Д. 32, С. 72.

² КГУ ГАКК, Ф. 1845, О.1, Д. 254, С. 18.

³ КГУ ГАКК, Ф. 1845, О.1, Д. 274, С. 148.

и советской государственности. Не старых, а молодых, не испытанных профессоров, а начинающих, воспитанных новой советской средой и готовых внести на Север весь пыл энтузиазма, рождённый революцией, и умелость практической работы, отточенную в революционном процессе»⁴.

Туруханский уездный исполнительный комитет напутствовал отправляющихся на работу учителей быть очень «осторожными»: «Недопустима даже малейшая ошибка в подходе к инородцу, так как всякий незначительный промах может иметь большие последствия в смысле понижения доверия туземцев к начинаниям Советской власти». Был оговорён возрастной состав учащихся — «не ниже 17 лет» и не «более 10 человек в интернате»⁵. Учителя были отправлены на места 13 ноября 1924 года. Зданий школ на местах выстроено не было. Главной задачей на первых порах был сбор учеников из тундры. «Вначале на школу смотрели с недоверием и не давали учеников, объясняя, что в школе хотят научить грамоте для того, чтобы лучше через выучившихся обирать их. При этом указывали на некоторых выходцев из их среды — авантюристов-приказчиков, бывших тунгусников»⁶. Проблемы организационного характера становились вторым препятствием на пути к организации учёбы.

Научный сотрудник Ленинградского географического института Георгий Николаевич Прокофьев, командированный на Янов Стан, писал об условиях работы: «Первые 2 месяца (ноябрь, декабрь) протекали при очень тяжёлых условиях: отсутствие подходящего помещения, недостатки в одежде (катанки, полушубки), недостаток в питании мяса, рыбы вследствие плохого улова рыбы. Здание наспех построенное, помещение 7 на 7 аршин без крыши; достраивалась на морозе. Занятия велись в холоде и в полумраке.

⁴ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.84, С. 48.

⁵ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.251, С. 37.

⁶ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.25137, 38

Сейчас школа перешла в другое помещение. Нужны дополнительное питание и дополнительная одежда»⁷.

Учитель с разочарованием и недоумением писал об отсутствии мотивации к учёбе у прибывших в школу: «Приехав сюда, я вскоре убедился, что «коммерческая» точка зрения (в данном случае на школу) является универсальным, выработанным веками взглядом инородца на русского и на всякого рода отношения с русскими. Школа — это своего рода лавка, в которой ученик вступает в сделку. Тем, что он учится, он делает одолжение с одной стороны, учителю, с другой — обществу потребителей, районному исполнительному комитету. В связи с таким взглядом на учёбу у учеников сложилось убеждение, что паёк и одежду они получают за то, что они учатся, а вовсе не для того, чтобы они учились. Один из моих учеников угрожал мне, что уедет домой, если я не куплю ему пару новых катанок. Когда я ему объяснил, что денег не отпущено, он заявил: «Ну, так не буду учиться, даром-то кто станет учиться»⁸. Учитель испытывал сложности и в налаживании распорядка дня: «Нет внутренней спайки между учащимися. Непрекращающиеся торги: кому первому встать в постели, чтобы затопить печь, кому дежурить по классу. Подмести в классе — найми человека. Освежевать купленного на интернат оленя — найми человека. Воздействовать категорическим способом не могу, в ответ будет выставлена угроза: «Не буду учиться!» Какой выход был найден учителем? «Создали школьный совет. Через школьный совет постановили: ученикам, недовольным теми условиями, в которых приходится работать, предоставляется право уйти из школы. Проводятся собрания учеников. Создали товарищеский суд. Замечается прогресс»⁹.

⁷ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.76, С. 46.

⁸ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.24, С. 57.

⁹ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.24, С. 157.

С первых шагов работы стало ясно, что принятые в РСФСР программы для обычных школ и школ для взрослых реализовывать было невозможно. «В школе национальных меньшинств не только не проводится ГУСовская программа, пока что не осуществляется даже иллюстративный метод, работа не планируется, краеведческий подход отсутствует», — писали в первом отчёте¹⁰.

Несмотря на возраст учеников (старше 17 лет), успехи в учении были слабыми. Обучение велось на русском языке. Ученики учили русские слова, учитель — язык коренного населения — остяков-самоедов. Незнание учениками русского языка, а учителем — родного языка учащихся замедляли процесс обучения. «Читают плохо. Из прочитанного почти ничего не понимают. Усвоение русского идёт медленно. Вместо русской диктовки мною введена диктовка на родном языке. Записывая своё родное слово, ученики приучаются отдавать себе отчёт в слышимых звуках, в этом я усматриваю вспомогательное значение этого метода. Нужен специальный русский букварь инородцев, введение грамоты на родном языке. Я задался целью составить русский букварь для северных инородцев. Отдельные части этого букваря уже пущены в дело. К весне букварь будет готов»¹¹.

Г.Н. Прокофьев рассуждал: «Если инородец в школе получит одну только грамотность, то для культурного строительства он пригоден ещё не будет; наряду с грамотностью ученик должен получить известное воспитание»¹².

В Хатангской школе обучалось четыре ученика. В отчёте Туруханского уездного исполнительного комитета отмечалось: «Учитель Журавский не проявил достаточной активности и инициативы в деле привлечения туземцев в школу»¹³. Тем не менее по итогам года работе школы на Хатанге была дана удовлетворительная оценка.

Весной 1925 года инспектор Туруханского уездного исполнительного комитета А.А. Моро-

зов сообщал: «Желающих учиться туземцев — около 20. Набраны в возрасте от 17 лет. Срок учёбы в Хатанге — 7 месяцев, в Я. Стане — 7–8 месяцев. Из Илимпейского района сведений нет»¹⁴. Путь учителя Г.М. Фомина в Илимпейскую тундру, в Чиринду, по признанию членов УИК, «был хуже всего». «Каждый день пути был мучением для людей, попавших в эти условия впервые, но, однако, работники стремились выполнить порученное им дело самоотверженно. На Чиринду транспорт шёл в течение месяца»¹⁵.

Школа в Чиринде была расположена в бывшем миссионерском здании. Кооперативом в школу была завезена годовая норма продуктов питания, белья, постельных принадлежностей, кровати, мебель, учебные пособия. Школа содержалась на средства бюджета Туруханского исполкома¹⁶. Чириндинская школа начала работу в декабре. В школе было три ученика. Задача школы — «дать учащимся необходимое знание русских слов, навыков грамотности и устного счёта». Обучение шло на русском языке, но учитель при этом «сам учился говорить на родном языке учащихся»¹⁷. 17 февраля 1925 года Г.М. Фомин отчитался о работе школы-интерната на заседании Илимпейского районного инородческого комитета Советов. Решение райисполкома было категорично: «Работу признать неудовлетворительной в силу исконного непонимания русского наречия учащимися и окружающими их сородичами. Просить Центр о разрешении вопроса преподавать на национальном родном языке»¹⁸. Нужно отметить, что фактически с момента начала работы школы прошло два месяца, и ожидать каких-

¹⁰ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.254, С. 18.

¹¹ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.24, С. 157.

¹² КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.76, С. 69.

¹³ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.76, С. 236.

¹⁴ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.243, С. 50.

¹⁵ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.251, С. 38.

¹⁶ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.251, С. 163.

¹⁷ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.251, С. 36–37.

¹⁸ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.254, С. 152.

нибудь существенных результатов было преждевременно. Одиноким учителем, работавшим в условиях требований скорых результатов без достаточной поддержки исполкома, без знания языка... В конце учебного года районного инородческого комитета было признано, что школа не дала «должных результатов»¹⁹. Безусловно, знание учителем родного языка учащихся было бы самым удачным вариантом для работы с подростками. Но где было найти такого учителя? Учитель Г.М. Фомина выехал из Чиринды. Президиум Туруханского уездного исполкома 13 мая 1925 года также дал неудовлетворительную оценку работы школы: «Отсутствие работы школы. Отсутствие инициативы и энергии со стороны заведующего школой Фомина, оторванность школы от массы и родовых советов. Непригодность Фомина к сближению с населением»²⁰. Также большой вопрос: судя по этому выводу, самым главным для исполкома было отправить учителя к месту работы.

Подводя итоги первого года работы школ, в Туруханском УИК признавали: «Ютятся в старых помещениях, иногда даже без крыши (Янов Стан), они существуют на скудные средства местных бюджетов, лишаящих возможности дать настоящую одежду, хорошее питание. Школа на Яновом Стане работает хорошо, что следует отнести исключительно к энергии учителя Г.Н. Прокофьева, который, изучая на месте способы и приёмы преподавания на русском языке, осторожным подходом проводит их в жизнь. Его работой создана большая тяга туземцев в школу»²¹. Здание школы в Яновом Стане было построено в 1926 году²². Г.Н. Прокофьев был назначен в 1927 году уполномоченным Красноярского комитета Севера по Тазовской тундре «ввиду его осведомлённости, знания

местных наречий и доверия к нему местного населения»²³. Г.Н. и Е.Д. Прокофьевы работали в Яновом Стане три года²⁴.

Подводя итоги трёхлетней работы в школе, Г.Н. Прокофьев писал: «Против 10–12 обучавшихся в прежние годы, в настоящее время — 20–23. Кроме того, было 2 приходящих, из числа живших на станке, и 6 русских. Наиболее сложным в работе школы является вопрос укомплектования её учениками. Собрать их вовремя не было никакой возможности, и заполнение происходило в течение 3 месяцев, что, конечно, создавало известную дифференцировку групп обучения. Одни — ушли вперёд, другие только приступили к работе. Другим моментом, тормозившим работу, является оторванность и отдалённость её от основных кочевых туземцев района. Ещё важный вопрос — согласование периода учёбы и производства охотничьего промысла. Уже с 11 лет каждый туземец начинает проходить ответственную школу изучения промысла и, пренебрегая ею, делается малопригодным для хозяйства членом. Таким образом, учение и промысел, совпадая, мешали друг другу. Необходимо отметить приближение программ преподавания к тем нормальным и возможным методам, которые должны применяться в туземной школе. Сообщённую центром учебную программу для туземных школ северной зоны РСФСР можно считать приемлемой. Учебники не удовлетворяют запросов туземной школы [букварь Богораза, хрестоматия Леонова мало пригодны, слабы настолько, что даже на 4 году обучения воспринимались тяжело]. Учебников по русскому языку не было совсем. Внешкольные занятия — столярное дело, кружок громкого чтения, игры, стенная газета, пение, драматический и радиокружок. Столярничество прививалось плохо, так как ученики в этой работе склонны были видеть что-то вроде эксплуатации, и в конце концов отказывались от него.

¹⁹ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.268, С. 6.

²⁰ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.277, С. 2.

²¹ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.58, С. 3.

²² КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.76, С. 227.

²³ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.76, С. 209.

²⁴ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.36, С. 47.

Драматический и пение не привилось, ибо в первом туземцами совершенно не понималось его задач, а для второго не было способностей и слуха. Радио туземцами также не понимается, и вся радиопередача им кажется какой-то подтасовкой. Они считают, что те звуки, которые слышатся из громкоговорителя, воспроизводятся тем же порядком, как в граммофоне, и не делают между ними никакой разницы. Представить, что речь передаётся из Москвы, они не в состоянии и не верят в объяснения»²⁵.

Неожиданными для учителя были проявления межродовых противоречий: «Были и национальные движения, например, группа баишенцев представляла одно, а тымце-караконцев — другое». Что выручало в выстраивании нормальных деловых отношений: «Внутренняя ученическая жизнь руководилась коллективом, имевшим во главе председателя и секретаря. Все дела, возникавшие в школе, разбирались самими учениками. Сначала понятие самоуправления у школьников было довольно туманным, но уже к концу первого года были замечены большие успехи в этом направлении. Во главе национальных групп стояли старшины. В целях поддержания общего порядка и дисциплины был создан особый регламент. Проведение в жизнь последнего иногда вызывало столкновения, так как провинившиеся старшие зачастую не хотели выполнять решений, выносимых группами младших возрастов. Обратное же проходило довольно легко. Налагаемые взыскания заносились в штрафную книгу, которую вели старшины национальных групп. Наказания — увещевания (действовавшие довольно слабо); штрафные дежурства и физический труд (рубка дров для старших, их укладка в штабели — для младших). Неожиданно появившаяся эксплуатация младших учеников старшими и имевшая в основе де-

нежную плату заставили ввести в регламент добавочный пункт, предусматривающий особое наказание за это».

Покидая школу, Г.Н. Прокофьев дал следующие рекомендации для лучшей организации работы школы.

Согласование учебного года с промысловыми периодами туземцев.

Определение точных сроков начала и конца занятий при обязательном привозе и увозе учеников родовыми советами.

Замена учебников.

Издание особого словаря по языку, который обнимал бы все русские слова, употребляемые в школьной работе²⁶.

Слабые результаты в деле образования коренного населения в Туруханском уездным исполкоме объясняли сложившимися традициями: «Как относилось прежде население нацменьшинств к школам, которые насаждало царское правительство? Ведь основной целью этих школ была русификация. Вражда, ненависть, отсутствие интереса. Подобное отношение частично можно наблюдать и сейчас»²⁷.

Анализ этих данных говорит о постоянном увеличении финансирования системы образования в Туруханском крае. В Туруханске самостоятельно были разработаны программы по промысловым уклонам: «Программа по рыболовству в школах Туруханского края»,

**Сведения об ассигнованиях на обслуживание интернатов Туруханского края
1924–29 годы (руб.)**

	1925–26	1926–27	1927–28	1928–29
Содержание	6075,54	21 368,25	19 059,02	3 658,0

²⁵ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.136, С. 157.

²⁶ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.136, С. 158.

²⁷ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.273, С. 24.

«Программа по охотничьему делу»²⁸. «Инструктивное письмо для работы по оленеводству в школах Туруханского края» написал ветврач В.И. Пальмин²⁹.

Отсутствие школ для детей малых народов Севера тормозило подготовку кадров из местного населения в кооперативах и туземных советах.

На научно-исследовательском съезде Сибирского края 1927 года рассматривался вопрос «О подготовке актива». «Поскольку кооперация и советское строительство в своём развитии упирается в отсутствие элементарной грамотности туземного населения, насущной задачей является дать туземцам элементарную грамотность. Параллельно школе для малолетних создавать школы-интернаты для подростков и взрослых, отбирая для такой школы наиболее способный элемент»³⁰. Таким образом, социально-экономическое развитие северных территорий напрямую связывали с подготовкой грамотных кадров из местного населения. И именно работники торговли, кооперативов требовали более интенсивной работы по развитию образования.

При планировании работы кооперативных организаций предусматривалось участие туземных потребительских обществ в организации школьной сети: «Участие обществ должно выражаться в материальной помощи государству по содержанию школ, общежитий для учащихся. Поскольку первые шаги с обучением туземных детей чрезвычайно трудны, туземец не хочет вручать своих детей русским на воспитание, вот здесь туземные общества и будут являться, так сказать, гарантией для родителей, что их дети будут находиться под наблюдением своих же людей, работающих в обществе в качестве правленцев, ревизоров или приказчиков»³¹.

²⁸ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.335, С. 130–136.

²⁹ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.335, С. 127.

³⁰ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.296, С. 4.

³¹ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.274, С. 149.

* * *

5 октября 1927 года в Туру приехал учитель Сергей Иванович Толмачёв и совместными усилиями работников культбазы, Илимпейского волостного исполнительного комитета начал организовывать школу. С.И. Толмачёв был выпускником Красноярского педагогического техникума, и работа на культбазе была началом его педагогической деятельности. 7 ноября 1927 года состоялось открытие школы. Заведующий культбазой Ф.Я. Бабкин высоко оценивал работу учителя: «Заведующий школой С.И. Толмачёв с головой ушёл в организацию школы, и его замечательная энергия и любовь к своему делу дали нам возможность в день годовщины Октябрьской революции торжественно открыть первую тунгусскую школу при Тунгусской культбазе»³². В день открытия, 7 ноября 1927 года, родовой совет подарил школе олений звонок³³.

За парты сели 8 воспитанников (2 девочки и 6 мальчиков). Комплектование школы проходило с трудом. В основном это были дети-сироты в возрасте не менее 10 лет. Преподавание велось на русском языке³⁴. Одежда, обувь, питание учащихся было бесплатным³⁵. Специального здания школы-интерната в 1927–28 году не было. Для школы выделили несколько комнат. Наблюдая за работой школы, заведующий культбазой Ф.Я. Бабкин в конце года писал: «Школа должна носить характер среднего техникума для подготовки из среды туземцев учителей, кооператоров, зоотехников, ветеринаров, медработников»³⁶.

Ф.Я. Бабкина волновали дети-сироты туземцев. «Во всех тундрах Туруханского края имеются дети-сироты. Это поистине жалкое живое существо на поверхности Северной природы. Эти цветки жизни,

³² КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.302, С. 204.

³³ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.345, С. 166.

³⁴ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.302, С. 15.

³⁵ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.302, С. 222.

³⁶ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.302, С. 131.

родившиеся на свет, частью мрут, как тараканы на морозе, часть же оставшихся в живых существует на положении собаки внутри туземных чумов. Государству надо спасти этих детей. Нужно создать дом сирот для детей туземцев в центре Туруханского края»³⁷.

Красноярский комитет Севера принял это предложение и рассмотрел на заседании 26 марта 1928 года вопрос: «О беспризорных детях туземцев в тундрах». Комитет решил: «Ввиду тяжёлых условий, в которых находятся дети-сироты туземцев в Туруханском крае, признать необходимым устройство в селе Туруханское центрального дома для сирот-туземцев, где надлежит организовать их обучение»³⁸. Председатель Красноярского комитета Севера И.М. Суслов писал: «Вырвать сирот у крупных оленеводов. Отправить их в интернаты при школах. Назначить кооперативными учениками. Отдавать в опеку заведомо надёжным семьям, объединённым в артели»³⁹. Летом 1928 года для Туринской школы выстроили два здания — школы и интерната.

В 1928–29 году в Туринской школе было сформировано две группы — 1-й и 2-й класс. Работали учителя по программе, разработанной на Центральных курсах учителей Северной зоны. Занимались по букварям В.Г. Тан-Богораз. С.И. Толмачёв писал о них: «Хотя и дают небольшую помощь, но далеко недостаточно».

Комплектование детьми и во второй год работы школы проходило сложно. В отчёте С.И. Толмачёв писал: «При наборе учащихся мы встретили много затруднений. Чапогирские тунгусы охотно послали в школу прошлогодних учеников, но за новых приходилось долго сражаться, убеждая родителей. Причина — недоверие, боязнь за детей. От Панкагирского рода мы не получили ни одного ученика, несмотря на все убеждения. Только в начале января получили двух учениц-девочек с озера Чиринда. Каждого взрослого тунгуса водили смотреть школу. Начали занятия с 16 учениками, сейчас — 19, прошлогодних — 7»⁴⁰. Трое

из учащихся жило в чумах родителей в районе культбазы, а не в интернате, это давало им возможность вести хозяйственные работы по дому. «Занятия посещают аккуратно. Усвоили правила школы, которые им прививаются с успехом». «В школе 3 девушки, сначала они дичились, но теперь освоились и чувствуют себя хорошо. Не доверяя ещё вполне школе, туземцы стараются устраивать в школу не своих детей, а детей-сирот»⁴¹. «Ребята пришли к нам в школу больные. У 90–100% — туберкулёз. Питание — 4 раза в день. Ежемесячное освидетельствование у врача, тёплые помещения, хорошая одежда — всё это обещает поправить здоровье ребят. Во всяком случае внешний вид у них очень хороший, выглядят бодро и весело, шалят и шумят, как свойственно их возрасту. Возраст — от 10 до 13 лет. Только 2 переростка. Девушки обучаются кройке и шитью, приготовлению пищи. Охотовед Наумов Н.П. приступил к преподаванию охотничье-промыслового дела. Ожидаем интересных результатов, ребята вопросами охоты интересуются»⁴².

Постепенно местное население начинало оценивать значение образования для детей. Большую роль в этом направлении играла позиция членов родовых советов и членов потребительских обществ. К примеру, на одном из собраний К.И. Мирошколь говорил: «Вчера на собрании мы обсуждали по докладу «Интеграла», почему приказчикам такое большое жалованье. А сейчас многие не хотят отдать своих детей учиться. Ведь, проучившись несколько лет, многие, быть может, сумеют заменить этих дорогих приказчиков, завозимых из Туруханска. Русские грамотны, и не для себя они строили школу на Туре, а для нас. Следовательно, мы должны это понять и стремиться отдавать своих детей в школу»⁴³.

³⁷ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.302, С. 39.

³⁸ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.289, С. 31.

³⁹ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.330, С. 1.

⁴⁰ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.302, С. 218.

⁴¹ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.302, С. 218.

⁴² КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.302, С. 218.

⁴³ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.269, С. 132.

С удовлетворением Сергей Иванович писал об улучшении материальной базы: «В прошлом году у нас не доставало ружей, крючков, теперь же всё это есть, и можно проводить практическое обучение. Мы думаем обучать зимой малолетних ребят, которых не берут на промысел»⁴⁴.

Именно заведующий культбазой А.П. Курилович приобрёл необходимое оборудование для организации промыслового уклона: «Для школы на 1928–29 закуплены в качестве учебных пособий ружья: ижевские, «Джонсон», «Эрма», 2 карабина — с принадлежностями и патронами. Тунгусской школе нужны совершенные ружья, чтобы изучать, знакомить их с нашей новейшей ружейной техникой»⁴⁵. А.П. Курилович привёз на базу и первый футбольный мяч, получив нагоняй за нецелевое использование средств от ревизора. Он с возмущением писал: «Ещё более неожиданно возражение против футбола. Не только футбол нужен, нужны коньки, гоночные лыжи, городки. 1 рубль 73 копейки — вот что стоит этот футбол, жалеть нет необходимости»⁴⁶.

Учителя ставили перед собой задачи: «Привитие детям, а через них и родителям, санитарно-гигиенических навыков: содержание в чистоте тела, одежды, жилища. Медленно и осторожно бороться с суевериями. Занятия по столярному ремеслу, для девочек — рукоделие. Приучение к коллективной работе»⁴⁷. Ученики участвовали в подготовке и проведении всех праздников на базе. К примеру, 6 января 1929 года был организован детский утренник. Вместе с русскими присутствовали дети из чумов — всего около 50 человек⁴⁸. Пригласили на праздник и взрослых тунгусов. Была наряжена ёлка. Вначале был показан концерт: детский балет,

декламации, песни. «Гвоздь вечера — выступление тунгусских школьников со спектаклем, гимнастическими пирамидами. Спектакль на русском и тунгусском языке привёл зрителей в такой восторг, что пришлось повторить второй раз». После концерта на улице показали полёт модели аэроплана, устроили фейерверк. В завершение организовали угощение, выступление участников музыкального кружка. Были устроены игры: «Кошки-мышки», «Просо», и они «нашли отклик у тунгусских ребят»⁴⁹.

Врачи больницы проводили ежемесячный медицинский осмотр школьников, антропометрические исследования, составляли родословные. Учителя на каждого ребёнка составляли характеристики, вели дневники наблюдений. Совместно с врачом для школы был разработан распорядок дня.

Весной 1929 года заведующий школой писал: «В настоящее время обучается 26 человек, из которых 4 взрослых. На довольствии — 24. Мальчиков — 19, девочек — 3, взрослых — 4. Организован пионеротряд. Должны были вести занятия до 1 июня, но, имея позднее поступление детей, решили вести занятия всё лето, до осени. Несуразно было бы ребят, прибывших за сотни вёрст, отправлять через 2–3 месяца обратно. Будет летняя школа. Предполагаем набрать до 30 человек. Учитель разработал план работы на лето»⁵⁰. С.И. Толмачёв предлагал каникулы организовывать в зимний период, когда семьи выходили на промысел. Однако эта идея не прижилась.

Второй учитель Н.П. Наумов обучал учащихся в первом классе: «...в 1 группе обучение идёт по программе, разработанной Томскими курсами учителей северных школ (охотничий вариант). Кроме хорошего, об этом материале пока, по опыту истекшего периода, сказать ничего нельзя. Усвоение материала в массе хотя и ниже,

⁴⁴ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.269, С. 132.

⁴⁵ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.319, С. 109.

⁴⁶ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.319, С. 109.

⁴⁷ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.302, С. 247.

⁴⁸ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.302, С. 372.

⁴⁹ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.302, С. 373.

⁵⁰ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.335, С. 3–4.

чем у русских детей (винить способности здесь нельзя, т.к. усвоение чуждого языка и в русских школах идёт не быстрее), всё же удовлетворительно. Сверх ожидания, усвоение грамоты идёт легче, чем счёта. Последний, особенно когда приходится иметь дело с цифрами выше десятка, часто является непреодолимым препятствием. Для упражнения в счёте введены устные задачи на промысловые темы. Эти задачи решаются быстрее безымянных цифр и гораздо более любимы учащимися. Резко различается усвоение в зависимости от возраста. То, что легко даётся 15-летнему, с громадным трудом и качественно значительно хуже усваивается десятилетним. Полное отсутствие способности сосредоточиться на чём-нибудь, по-моему, характеризует ребят от 12 лет и моложе. Пользоваться усвоенным, как орудием для дальнейшей работы, они могут лишь в весьма небольшой степени»⁵¹.

В конце учебного года заведующий культбазой А.П. Курилович писал: «К концу учебного года осталось 25 учеников. Значительная часть учеников — сироты, ушли в школу от горькой доли, других отправили, чтобы отделаться от лишних ртов. Школа для них стала домом и семьёй. Болели гриппом и коклюшем. Наблюдение за здоровьем показало, что после жизни в интернате ребята легко простужаются в чумах и заболевают. Это наводит нас на мысль: не ослабляет ли организм детей жизнь в других условиях, не отучивается ли организм бороться после, в условиях чумового быта. Не получится ли такой истории, что, проучившись в школе 3—4 года, туземный ребёнок уже физически не будет приспособлен к жизни в чуме?»⁵²

Нужно отметить, что, несмотря на малое количество работников культбазы, в отношениях между специалистами сохранялась субординация, взаимная требовательность к организации и результатам труда и ответственность. К примеру, главный врач С.Н. Бушмарин писал: «Работа со школой. Проводятся периодические ежемесячные медосмотры учащихся, антропометрические измерения. Я и заведующий школой обратили внимание на то, что в прошлом году взвешивание на весах совершенно не давало

прибавки в весе школьников. Мы прибавили в рацион мясо, довели дневной паёк до 3500 калорий. Весь паёк школьниками съедан. Результаты оказались поразительными. Уже через месяц вес тела начал резко повышаться и в дальнейшем наблюдалось систематическое повышение веса. Вместе с весом улучшилось общее самочувствие. Спирометр показывал большие цифры, и только ростомер отмечал незначительное увеличение роста. Но, по-моему, явление это — просто национальная особенность». «Обращаю внимание педперсонала, что следует принять решительные меры к ненормальному явлению или, вернее, к искоренению вредной привычки у школьников, когда в холодное время года они бегают по улице без верхнего платья. Каким путём бороться с этим? Мерами ли убеждения или даже дисциплинарными — это дело педперсонала. Ещё хочу указать на неотложную необходимость в школе ввести обязательно ремёсла, физический труд. По-моему, он действительно необходим, так как в будущем почти все школьники всё равно должны заниматься физическим трудом»⁵³.

Студент-этнограф из Ленинграда А.Ф. Анисимов прибыл в Байкит в октябре 1928 года. Школы не было, но был учитель! Собрались представители торговых организаций и члены волостного исполкома. Решили учителя разместить в «топтальке (там, где тунгусы набивают турсуки мукой)». Для школы постановили выделить недостроенное здание Интеграла. Решили его «спешно достроить». Вопрос о наборе учеников был значительно трудней. Отношение тунгусов к школе было «не очень хорошее». Что же делает молодой учитель? Ждать, пока достроят здание и привезут учеников? «Проводить работу на фактории — бессмысленно, ибо выход тунгусов кончился, приходила только одна вблизи стоящая семья. Поэтому,

⁵¹ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.302, С. 290.

⁵² КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.302, С. 424.

⁵³ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.313, С. 504.

экипировав себя тёплой меховой одеждой, я сообщил исполкому о намерении поехать в тайгу и проработать там до момента, когда будет готово здание школы, и, получив согласие, я успел в тайгу. В декабре было готово здание, я вернулся с 4 учениками (от 18 до 27 лет), и мы приступили к занятиям. Торговые организации и РИК завербовать учеников не смогли. Детей не отдавали, всё ещё чего-то боялись. Из досок сколотили 1 стол, 3 скамейки, 4 койки-топчана. В школе было всего 2 буквара»⁵⁴.

С декабря по февраль был проработан зимний комплекс «В базе с сородичами». Основное внимание уделялось обучению формальным навыкам (чтение по букварю, чтение на доске и у себя в тетради). Преподавание велось на русском языке, обучение чтению — методом целых слов. На уроках по письму учитель добивался умений написать прочитанное слово, подписать текст под рисунком, написать своё имя и фамилию, плакат. По математике производились все действия над числами, счёт круглыми десятками в пределах 100. Чертились простейшие геометрические фигуры. Учитель писал: «Школьный совет отсутствует, его создание отнесено к созыву суглана. На школьном собрании решили, что к следующему году мы должны привести в школу 8 детей бедняков». А.Ф. Анисимов писал: «Всё внимание было сосредоточено на охотничьем промысле. Организовали школьный коллектив, и 2 февраля 1930 года уехали вместе со мной в тайгу (последнее было вызвано и тем, что ученики — дети бедноты и их нельзя было оставить без промысла, в противном случае это сильно отразилось бы на хозяйстве их семей)». С 18 марта занятия начались обычным путём. После того как побывали в тайге, доверие увеличилось, и в школу пришло ещё трое учеников⁵⁵. Приступили к изучению комплекса «От базы к сородичам» (Тема «Труд человека весной»). Одновременно шла подготовка к весеннему рыбному про-

⁵⁴ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.335, С. 104.

⁵⁵ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.335, С. 107.

мыслу. «В части оборудования было очень скверно. По смете ничего нет. Я пытался выклянчить сколько-нибудь у торговых организаций, но получил отказ. Охотиться пришлось чугунным ружьём. Весной на свой страх и риск купил на фактории ниток, сплели 4 сети. В школе организовался коллектив с привлечением туда взрослого туземного населения. Каждый принимал активное участие в промысле и рыбалке. Занятия проходили вечерами по 2—4 часа по 5-дневной программе⁵⁶. 20 мая всем коллективом школы пошли на рыбный промысел.

А.Ф. Анисимов, размышляя о будущей школе, писал: «На первых порах может быть организован охотничий или рыболовный уклон. Но будут затруднения в приобретении оленного стада. Об организации мастерских не приходится думать. В этот год специальных уклонов у нас не было. Охотничий уклон (полностью уклоном назвать нельзя) у нас вылился сам по себе. Уклон строится по принципу коллектива. В школе организовался коллектив с привлечением туда взрослого туземного населения. Каждый член коллектива — активный участник в охотничье-рыбном производстве»⁵⁷.

Что касается кочевых школ, то они были открыты с начала 1930-х годов в Таймырском Национальном округе — сначала в Дудинском и У-Енисейском районах, а с 1934 года — в Авамском и Хатангском. К примеру, в Авамский РОНО прибыл молодой учитель Н.А. Ивашкин, окончивший Канский педтехникум. Его назначили учителем кочевой школы станка «Нганасанская речка». «В первом чуме, в который я вошёл, меня окружили взрослые с громкими криками: «Зачем пришёл, учитель? Кто тебя звал? Ребят учить не дадим, пни учи, если хочешь, а не наших детей». Лишь в январе 1935 года с помощью районных организаций ему удалось завербовать в школу пятерых

⁵⁶ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.318, С. 146.

⁵⁷ КГУ ГАКК, Ф.1845, О.1, Д.335, С. 162; 21, С. 145.

ребят. Всю зиму кочевал учитель вместе с жителями станка. Учить детей приходилось во время стоянок в нартяном чуме, где не было элементарных условий для работы»⁵⁸.

Анализируя отчёты первых учителей, работавших на Севере, ни о каком «отвращении» к «отсталым элементам туземной культуры», о котором пишет Ю. Слёзкин в книге «Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера», не находишь подтверждения. Да, учителя писали о трудностях, специфических особенностях работы, но в их отчётах сквозит желание помочь коренным народам овладеть грамотностью, дать им возможность продолжить обучение. Ю. Слёзкин пишет: «Недавние выпускники школы «передовой культуры», свежее обученные этнографы, учителя и ответственные работники были бескомпромиссны по отношению к отсталости, из которой им самим с помощью Коммунистической партии только что удалось вырваться. Любой недостаток горячей приверженности прогрессу, которому они служили, казался им преднамеренным личным оскорблением, отказом признавать их достижения и жертвы»⁵⁹. Ни о какой жертвенности учителя не писали. Они скромно выполняли своё предназначение — учить и воспитывать детей, и делали это, сообразуясь со своими силами и возможностями. Вызывает вопрос и такое утверждение этого автора: «Самым ударным отрядом были молодые этнографы; прочие (большинство) были добровольцами, искавшими приключений и пенсионных льгот... Немногие из них могли

⁵⁸ Советский Таймыр, 1936, 21 января.

⁵⁹ Слёзкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. — М., 2017. — С. 256.

определить, что такое отсталость, но все знали, как она выглядит. Грязь, нерациональное ведение хозяйства, «дикие предрассудки» и странные обычаи оскорбляли их чувства и противоречили официальной (и иногда глубоко прочувствованной) идеологии»⁶⁰. Некий снобизм, который звучит в вышеприведённых строках, никак не согласуется с тем, что работавшие на Севере учителя могли пожалеть о том времени, которые они провели в северных школах, обучая детей в непригодных помещениях, без учебников и пособий. Ни о каких «пенсионных льготах» речи не было. Ни о каком «оскорблении чувств» нигде не найдено материалов. Работа в северных школах для многих из них стала успешной стартовой площадкой для будущей творческой деятельности. Мало того, они не раз возвращались на Север для продолжения своей научной работы. Г.Н. Прокофьев, Н.П. Наумов, А.Ф. Анисимов стали видными учёными, С.И. Толмачёв окончил Ленинградский институт имени Герцена. Этих людей помнят на Красноярском Севере благодарные потомки их учеников. Имена И.М. Сулова, Г.М. Василевич, Н.В. Сушилина, которые жили среди коренного населения, ели из одного котла, защищали их интересы, изучали быт и традиции для того, чтобы их сохранить, и сейчас не забыты на Севере. **НО**

⁶⁰ Там же. — С. 261.

The First Teachers Of National Schools In The Yenisei North In The 20s Of The XX Century

Valentina V. Bibikova, Chairman of the Krasnoyarsk branch of the Russian Makarenkov Association, e-mail: bibikovss@yandex.ru

Abstract: *The first teachers of the Turukhansk region in the second half of the 1920s and the organization of national schools. Indigenous languages, cultural traditions and crafts. Development of working forms and methods with children of the North indigenous peoples. Finding optimal solutions to establish trusting relationships with the indigenous population.*

Keywords: *Sibvariant, programs of the Central Courses for the Northern Zone, boarding schools, fishing slope.*

Spisok ispol'zovannykh istochnikov

1. Krayevoye gosudarstvennoye uchrezhdeniye Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya, F. 1845, O. 1, D. 32, C. 72.
2. KGU GAKK, F. 1845, O.1, D. 254, S. 18.
3. KGU GAKK, F. 1845, O.1, D. 274, S. 148.
4. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.84, S. 48.
5. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.251, S. 37.
6. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.25137, 38
7. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.76, S. 46.
8. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.24, S. 57.
9. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.24, S. 157.
10. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.254, S. 18.
11. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.24, S. 157.
12. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.76, S. 69.
13. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.76, S. 236.
14. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.243, S. 50.
15. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.251, S. 38.
16. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.251, S. 163.
17. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.251, S. 36–37.
18. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.254, S. 152.
19. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.268, S. 6.
20. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.277, S. 2.
21. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.58, S. 3.
22. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.76, S. 227.
23. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.76, S. 209.
24. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.36, S. 47.
25. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.136, S. 157.
26. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.136, S. 158.
27. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.273, S. 24.
28. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.335, S. 130–136.
29. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.335, S. 127.
30. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.296, S. 4.
31. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.274, S. 149.
32. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.302, S. 204.
33. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.345, S. 166.
34. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.302, S. 15.
35. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.302, S. 222.
36. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.302, S. 131.
37. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.302, S. 39.
38. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.289, S. 31.
39. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.330, S. 1.
40. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.302, S. 218.
41. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.302, S. 218.
42. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.302, S. 218.
43. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.269, S. 132.
44. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.269, S. 132.
45. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.319, S. 109.
46. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.319, S. 109.
47. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.302, S. 247.
48. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.302, S. 372.
49. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.302, S. 373.
50. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.335, S. 3–4.
51. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.302, S. 290.
52. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.302, S. 424.
53. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.313, S. 504.
54. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.335, S. 104.
55. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.335, S. 107.
56. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.318, S. 146.
57. KGU GAKK, F.1845, O.1, D.335, S. 162; 21, S. 145.
58. Sovetskiy Taymyr, 1936, 21 yanvarya.
59. *Slozkin Yu.* Arkticheskiye zerkala. Rossiya i malye narody Severa. — M, 2017. — S. 256.
60. Tam zhe. — S. 261.